Смолькова И.В., Мазюк Р.В. ♦

Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве

Аннотация: В статье поставлена проблема теоретического осмысления и практического значения такой категории, как законные интересы обвиняемого, с целью оценки законности его интереса избежать уголовной ответственности.

Авторами рассмотрены научные подходы к пониманию данного термина в теории права и уголовно-процессуальном праве, а также его соотношение со смежными научными категориями. Сравнительный анализ понятий «законные» и «незаконные интересы» позволяет в качестве незаконных процессуальных интересов обвиняемого рассматривать: использование подложных доказательств; уклонение от явки к следователю или в суд; стремление добиться оправдательного приговора, будучи виновным и полностью изобличенным; получение необоснованного и чрезмерно мягкого наказания за совершенное преступление; ложное отрицание совершенного преступления; стремление воспользоваться правосудием для клеветы, осуждения заведомо невиновного из мести за правомерные действия; оговор другого лица. Между тем в науке уголовного судопроизводства интерес обвиняемого избежать уголовной ответственности не всеми учеными рассматривается как незаконный; часть процессуалистов полагают, что законность данного интереса обусловлена действием принципа презумпции невиновности.

Авторы статьи считают, что более корректно оценивать интересы обвиняемого в уголовном судопроизводстве не с точки зрения их абстрактной законности или незаконности, а с точки зрения уголовно-процессуальной допустимости, для чего предлагается рассматривать интересы обвиняемого с научной точки зрения как процессуальные интересы.

Процессуальные интересы обвиняемого образуют систему, в которой можно выделить базовый процессуальный интерес, а также процессуальные субинтересы. Системный анализ УПК РФ позволяет говорить о наличии в кодексе механизма (хоть и разрозненного) обеспечения процессуальных интересов обвиняемого, который представлен в форме отдельных

♦ **Смолькова Ираида Вячеславовна** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: kupik@isea.ru.

Мазюк Роман Васильевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: marova@mail.ru.

процессуальных гарантий. Однако до тех пор, пока интересы обвиняемого не обретут самостоятельную процессуальную форму в материалах уголовного дела, эффективность их защиты в уголовном судопроизводстве будет вызывать сомнения.

Ключевые слова: Правовой интерес; материальный интерес; уклонение от уголовной ответственности; участники уголовного судопроизводства.

> Перед нами весьма специфический правовой феномен [интерес], представляющий собой в известном смысле «загадку» — ни норма, ни принцип, ни правомочие, ни свойство субъекта (праводееспособность). Н.И. Матузов

В ряде статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих процессуальное положение участников уголовного судопроизводства, используются такие категории, как интересы и законные интересы обвиняемого. Так, ч. 3 ст. 47 УПК РФ устанавливает, что обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы средствами и способами, не запрещенными законом, а ч. 1 ст. 49 кодекса предусматривает, что защитником является лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых. Понятия «интересы» и «законные интересы» употребляются в УПК РФ применительно и к другим участникам уголовного судопроизводства, например, п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ предусматривает право потерпевшего по его ходатайству получать копии любых процессуальных документов, затрагивающих его интересы. А в соответствии с ч. 5 ст. 189 УПК РФ по окончании допроса свидетеля, проводившегося с участием адвоката, последний вправе делать заявления о нарушениях прав и законных интересов свидетеля.

В целом в тексте УПК РФ категория «интересы» употребляется 35 раз, а термин «законные интересы» — 17 раз. В связи с отсутствием в УПК РФ, а также в иных законодательных актах легальных дефиниций рассматриваемых понятий представляется необходимым определить их научное и практическое содержание, а также значение для уголовно-процессуального статуса обвиняемого.

Понятие «интерес» своими корнями уходит во времена Древнего Рима. Слово interest буквально переводится с латинского языка как «имеет значение», «важно» [1, с. 418]. В римском частном праве данным словом обозначался ущерб, который причинен кредитору по чьей-либо вине [2, с. 317]. В русский язык слово «интерес» пришло из немецкого языка в начале XVIII в. В Петровскую эпоху и до середины XVIII в. интерес понимали как выгоду, дело,

корысть. Более позднее значение слова «интерес» — «внимание, проявляемое к кому-либо, чему- либо», «занимательность», «увлекательность», «важность», «значение», «польза» — возникло в русском языке под влиянием французского interet [3, с. 12].

Не углубляясь в дискуссию относительно современного определения термина «интерес» в различных науках, будем исходить из следующего его понимания: интерес — это «осознание потребности, обусловленное желанием получения пользы, выгоды» [4, с. 14]. На этом основании можно согласиться с высказанным в научной литературе мнением о том, что «используемый в уголовно-процессуальном законе термин «интерес», как правило, трактуется в смысле «законный интерес». И это делает возможным вывод о том, что закон признает допустимым для уголовного судопроизводства только один вид интереса, а именно — законный интерес» [5, с. 33]. На наш взгляд, в нормах УПК РФ понятия «интерес» и «законный интерес» употребляются законодателем как синонимы, и какого-то принципиального различия в их семантике искать не стоит. Это очередной пример непоследовательности законодателя в приме- нении юридической терминологии при конструировании положений УПК РФ.

Одним из первых в российской правовой науке о законном интересе писал Г.Ф. Шершеневич: «Члены одного общества выработали в себе привычку отстаивать всеми законными средствами свои права, восставать против малейшего нарушения их законных интересов» (здесь и далее в цитатах курсив наш. - Авт.) [6, с. 293].

В теории права единое понимание законных интересов личности отсутствует. Так, Н.И. Матузов определяет их как «морально-правовые стремления индивида», как «предправо», т.е. как «явление, которое предшествует праву» [7, с. 113, 115, 120]. А.В. Малько считает, что законные интересы - это своеобразное «усеченное право», «усеченная правовая возможность» [8, с. 58]. С его точки зрения, законный интерес есть «простая правовая дозволенность, имеющая характер стремления, где отсутствует указание действовать строго зафиксированным в законе образом и требовать соответствующего поведения от других лиц, где отсутствует гарантированность со стороны конкретной юридической обязанности» [9, с. 6].

В науке уголовно-процессуального права также высказаны различные суждения относительно понятия и содержания законного интереса. Сложилось два основных подхода к данной проблеме.

Одни авторы исходят из того, что законный интерес - это такой интерес, который не противоречит закону, поддерживается и защищается законом. Так, П.С. Элькинд считала, что законные интересы - это те, которые содействуют

интересам государства [10, с. 43]. В.С. Шадрин по этому поводу полагает, что законным является интерес, выраженный в субъективном праве [11, с. 29]. Сторонники первого подхода полагают, что не всякий, а лишь законный интерес лица, привлекаемого к уголовной ответственности, подлежит защите [12, с. 108]. В частности, Л.Д. Кокорев считал, что защитник должен защищать лишь законные интересы обвиняемого [13, с. 21].

Другая часть авторов, например В.В. Сероштан, полагают, что «интересы обвиняемого всегда являются законными исходя из принципа презумпции невиновности» [14, с. 55]. В.И. Каминская обосновывала даже обязательную для защитника «презумпцию законности интересов своего подзащитного» [15, с. 34]. Представляется, что создание новой презумпции - «презумпции законности интересов подзащитного» - является надуманным и ненужным, поскольку эта «презумпция» в полной мере охватывается существующей презумпцией невиновности обвиняемого.

В уголовно-процессуальной литературе многими авторами разделяется мнение о том, что интерес обвиняемого может быть как законным, так и незаконным [16, с. 86; 17, с. 89; 18, с. 167; 19, с. 361-362]. В этой связи необходимо определить, как разграничить законные и незаконные интересы обвиняемого. На самом общем уровне рассуждений законный интерес - это интерес, который соответствует требованиям закона, а незаконный - нет. Е.Г. Мартынчик в этой связи полагает, что критерием законности или незаконности интереса обвиняемого выступает сам уголовно-процессуальный закон: «Стремление обвиняемого воспрепятствовать установлению истины по делу, скрыть или уничтожить следы преступления, добытые преступным путем ценности и деньги, а также уклониться от ответственности противоречит задачам уголовного процесса и целям правосудия, а поэтому такие интересы обвиняемого не охраняются законом» [17, с. 89].

В.И. Каминская писала о «признании обвиняемого, продиктованном каким-либо незаконным интересом», правда, не уточняя, в чем именно он выражается [16, с. 87]. С позиции О.В. Гладышевой, вряд ли целесообразно выделять незаконный интерес и рассматривать его как стремление использовать запрещенные уголовно-процессуальным законом средства, поскольку в нем не предусмотрено перечня запрещенных средств, в силу этой причины формулировки п. 11 ч. 4 ст. 46 и п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, содержащие указания на законный интерес, выглядят беспредметными [20, с. 128]. Вместе с тем эти нормы УПК РФ устанавливают, что подозреваемый, обвиняемый вправе «защищаться средствами и способами, не запрещенными настоящим Кодексом», а п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ - что защитник вправе использовать «иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты».

Что же все-таки понимается под законным интересом обвиняемого? В самом общем виде законный интерес обвиняемого заключается, прежде всего, в защите от выдвинутого против него обвинения.

По мнению М.С. Строговича, законный интерес обвиняемого полностью основывается на интересах правосудия [21, с. 74]. Э.Ф. Куцова полагает, что законными интересами обвиняемого могут быть только «те его существенные интересы, которые выражены в нормах права, признаны ими» [22, с. 56]. С точки зрения Л.Д. Кокорева, такая позиция лишает понятие «законный интерес» особого, специфического смысла, приводит к его полному отождествлению с правами личности, предусмотренными в законе», при этом, по его мнению, правовой защитой пользуются и «некоторые интересы личности, не получившие прямого закрепления в конкретном нормативном акте» [23, с. 78].

К.А. Савельев замечает, что понятие законных интересов обвиняемого «охватывает все его права и возможности, направленные на опровержение или смягчение обвинения; их границей выступает требование соблюдения закона» [24, с. 90].

В.Д. Адаменко исходил из того, что процессуальные интересы обвиняемого могут считаться законными, если они не противоречат нормам права, нравственным принципам и моральным устоям общества [25, с. 149]. Аналогична позиция С.М. Апарина и В.Л. Будникова, считающих, что законным будет и «моральный интерес обвиняемого… избежать «проникновения» в его внутренний мир без его согласия либо претерпеть такое «проникновение», но в границах, не противоречащих конституционным положениям» [26, с. 5].

Н.С. Алексеев и В.З. Лукашевич в перечень законных интересов обвиняемого включали, во-первых, недопустимость привлечения к уголовной ответственности и осуждения за преступление, которое обвиняемый не совершал; во-вторых, стремление не быть привлеченным к уголовной ответственности и осужденным за более тяжкое преступление, чем то, которое обвиняемый в действительности совершил; в-третьих, назначение справедливого наказания с учетом всех обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность обвиняемого; в-четвертых, стремление защищать свои личные и имущественные права, не подвергаться мерам процессуального принуждения без достаточных оснований [27, с. 149].

З.Ф. Коврига полагает, что критерием законности интересов, расходящихся с задачами уголовного процесса, является «возможность удовлетворить их не в ущерб общественным» [18, с. 167]. Данная позиция представляется спорной, поскольку интересы обвиняемого, если он

действительно совершил преступление и изобличен, не совпадают с задачами уголовного судопроизводства.

Все приведенные определения весьма спорны. Интересы личности и государства, личности и общества не всегда совпадают, и нельзя отдавать приоритет в этой области интересам государства или общества. В определенных случаях интересы обвиняемого вступают в противоречие и с общественной нравственностью. Однако вряд ли на этом основании можно утверждать, что интересы обвиняемого, которые не согласуются с нравственными нормами, являются незаконными.

Законные интересы обвиняемого нельзя связывать только с его заинтересованностью в конкретном уголовном деле, вместе с тем для обвиняемого законные интересы тесно с ней связаны, выступают как своего рода «дополнительный шанс» [28, с. 192], дополнительное средство справедливого вынесения приговора в отношении него.

Существует мнение, что оценку интереса обвиняемого как законного должны давать лицо, производящее дознание, следователь или прокурор в соответствии с нормами права [29, с. 12]. Думается, что если использовать данный критерий, то одни и те же интересы обвиняемого разные правоприменители будут оценивать по-разному, каждый по-своему.

В литературе также высказана позиция, в соответствии с которой до вступления приговора в законную силу нельзя определить, стремится обвиняемый к достижению законного или незаконного интереса. В частности, В.И. Каминская в этой связи отмечала, что до вступления приговора в законную силу спорным является вопрос, законный или незаконный интерес отстаивает подсудимый [15, с. 34; 25, с. 148]. В этом плане следует согласиться с М.О. Баевым, что такая позиция вступает в противоречие с задачами защитника в надзорной инстанции, предметом которой служит вступивший в законную силу приговор суда [30, с. 36].

Законный интерес обвиняемого может быть связан с одной или несколькими целями. Например, соглашаясь с обвинением, обвиняемый будет использовать все законные способы для того, чтобы получить условную меру наказания, и этот интерес нельзя признать незаконным. То же самое можно сказать и о стремлении обвиняемого к тому, чтобы его действия были квалифицированы по более мягкой статье УК, чем это сделал следователь. Общее правило в данном случае заключается в том, чтобы способы и приемы защиты от обвинения были законными. На это обстоятельство обратил внимание и Конституционный Суд РФ в постановлении от 17 июля 2002 г. №

13-П[1], указав, что «лицо, привлеченное к уголовной ответственности, вправе использовать все не запрещенные законом средства для защиты от предъявленного обвинения».

В.В. Сероштан считает, что законность или незаконность интереса должна оцениваться с точки зрения средств и способов его защиты [14, с. 56]. Думается, более правильно вести речь о средствах и способах защиты своих интересов обвиняемым; именно средства и способы защиты могут быть незаконными, но средства и способы не являются интересами.

В качестве незаконных процессуальных интересов обвиняемого в литературе приводятся следующие: «использование подложных доказательств»; уклонение от явки к следователю или в суд; «стремление добиться оправдательного приговора, будучи виновным и полностью изобличенным»; «получение необоснованного и чрезмерно мягкого наказания за совершенное преступление»; «ложное отрицание совершенного преступления» [31, с. 18-19]; «стремление воспользоваться правосудием для клеветы, осуждения заведомо невиновного из мести за правомерные действия» [32, с. 171]; «оговор другого лица» [33, с. 19].

Представляется, что интерес здесь один - защита от обвинения, но приведенные примеры свидетельствуют о том, что для защиты этого интереса используются незаконные средства и способы.

О.В. Карпов и И.В. Маслов считают, что лица, привлекаемые к уголовной ответственности, при осуществлении права на защиту всегда преследуют двуединую цель: избежать осуждения и уголовного наказания либо свести его к минимуму, не стесняясь в средствах и способах [34, с. 4; 35, с. 14].

Является ли законным интересом обвиняемого его стремление избежать уголовной ответственности, осуждения и наказания? Данный вопрос также представляется дискуссионным. Мнения процессуалистов разделились: одни из них считают данное стремление незаконным, другие, наоборот, законным.

Сторонник первой позиции И.Д. Перлов полагал, что если обвиняемый не совершал преступления, то его интерес быть оправданным является законным. В противном же случае его интерес не основан на законе [36, с. 124]. Аналогичную позицию по данному вопросу занимали Р.Д. Рахунов [37, с. 212] и Э.Ф. Куцова [22, с. 56]. И.С. Дикарев к данному вопросу подходит с позиции законности цели. Он полагает, что «если обвиняемый действительно совершил инкриминируемое ему деяние, но стремится избежать уголовной

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 31. Ст. 3160.

ответственности, то цель, составляющая содержание его процессуального интереса, не может быть законной, поскольку ее достижение будет означать одновременно невозможность реализации назначения уголовного судопроизводства, нарушение прав и законных интересов других лиц» [38, с. 58].

Позиция указанных авторов состоит в том, что законность цели избежать ответственности и, следовательно, законность интереса зависит от того, совершил преступление обвиняемый или нет. Следует признать, что стремление к безопасности и самосохранению генетически запрограммировано в психике человека, желание избежать уголовной ответственности и есть проявление этого стремления - стремления избежать нежелательных для себя отрицательных последствий. Можно ли оценивать данное стремление с позиции законности/незаконности?

Представители второго подхода к анализируемому вопросу основываются на том, что стремление обвиняемого избежать уголовной ответственности всегда является законным интересом. Так, еще в конце XIX в. Е.В. Васьковский писал: «Каждый подсудимый заинтересован в том, чтобы быть оправданным и избежать наказания» [39, с. 294]. А.Д. Бойков, в свою очередь, относит стремление избежать уголовной ответственности или уменьшить ее к материально- правовым интересам, одновременно выделяя еще процессуальные интересы, которые, по его мнению, могут быть в отдельных случаях незаконными [40, с. 62].

В этой связи представляют интерес результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов, проведенного М.Г. Чепрасовым. На вопрос автора «Необходимо ли закрепить понятие «законные интересы» обвиняемого в УПК РФ?» более половины им опрошенных ответили «Нет». По его мнению, «должностные лица органов предварительного расследования, прокуратуры не воспринимают законные интересы обвиняемого в своей практической работе в силу сложности содержания (структуры) рассматриваемой категории» [41, с. 378, 380].

Поэтому можно согласиться с мнением И.С. Дикарева о том, что «подлинному обеспечению прав и законных интересов обвиняемого в уголовном процессе способствовал бы полный отказ от любых попыток найти какое-либо практическое применение в ходе производства по уголовному делу классификации интересов на законные и незаконные» [38, с. 62].

Как представляется, неоднозначность понимания категории «законный интерес» в уголовно-процессуальном праве делает ее номинальной, декларативной, а в результате бесполезной для правоприменителя. Однако это не означает, что от использования в уголовно-процессуальном законе таких

терминов, как интересы, законные интересы обвиняемого, а также других участников уголовного судопроизводства, следует отказываться. Нельзя не признать, что данные понятия являются традиционными и общепризнанными для современного российского права, активно используются во многих его отраслях. В целях практико-ориентированного понимания интересов обвиняемого представляется необходимым оценивать их не с точки зрения абстрактной законности/ незаконности, а с точки зрения их процессуальной допустимости в уголовном судопроизводстве. Другими словами, анализируя процессуальный статус обвиняемого, корректнее говорить не о его законных интересах, а о его процессуальных интересах.

Отдельными авторами уже предлагались определения процессуального интереса в рамках уголовного судопроизводства. Так, В.М. Галкин отмечал, что «процессуальный интерес представляет собой интерес в успешном осуществлении определенной процессуальной функции» [42, с. 37]. С.Д. Шестакова понимает процессуальный интерес как «выраженную в конкретном поведении участника уголовного судопроизводства его потребность к тому, чтобы итогом уголовно-процессуальной деятельности стал определенный устраивающий его результат» [33, с. 17].

Помимо научной литературы, термин «процессуальный интерес» используется и в решениях Конституционного Суда РФ. Например, в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П указывается: «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны»[2].

Процессуальный интерес в рамках науки уголовно-процессуального права, на наш взгляд, можно определить следующим образом: это нормативно допустимое, обусловленное осуществляемой функцией целеполагающее отношение участника уголовного судопроизводства к производству какого-либо процессуального действия или принятию какого-либо процессуального решения по уголовному делу.

Целеполагающее отношение к природной и социальной реальности, по мнению У. Селларса, является одним из отличительных признаков, определяющих сущность человека, наряду с такими признаками, как интенциональность (следование правилам и регулятивам сообщества),

[2] По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28. Ст. 3881.

производство новых идей, создание об- раза самого себя при помощи различных форм культуры [43, p. 25]. Тем самым целеполагающее отношение человека к тем или иным событиям, явлениям окружающей действительности можно рассматривать как его интерес к указанным объектам.

Целеполагание в уголовном судопроизводстве, в свою очередь, понимается как «осмысление субъектами, к нему причастными, проблемной ситуации в сфере уголовного процесса, переводе ее в ходе системного анализа в проблему, предполагающее на выходе создание структуры целей, задач и функций, а также средств их реализации, в правотворчестве (в конституционном, уголовно-процессуальном, а также смежных отраслях законодательствования) и правоприменении указанных норм в сфере уголовного процесса, предназначенной и пригодной для разрешения той проблемной ситуации, которая и послужила началом для размышлений (для мыслительной деятельности)» [44, с. 39]. В уголовном судопроизводстве такое целеполагающее отношение участников уголовного судопроизводства, в частности обвиняемого, проявляется в форме процессуального интереса применительно к процессуальным действиям и процессуальным решениям, выступающим базовыми элементами уголовно-процессуального механизма и составляющим содержание уголовно-процессуальной деятельности.

По своей сути процессуальный интерес обвиняемого априори является законным, так как основывается на тех гарантиях, правах и процедурах, которые предусмотрены для него уголовно-процессуальным законом.

Например, так называемый интерес избежать уголовной ответственности, который был камнем преткновения для многих ученых-процессуалистов на протяжении нескольких десятков лет, с процессуальной точки зрения можно рассматривать как интерес обвиняемого в принятии такого процессуального решения, которым он не был бы признан виновным.

Разве незаконен интерес обвиняемого в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) или в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ)? Является ли незаконным интерес подсудимого в вынесении по уголовному делу оправдательного приговора? Можно ли признать незаконным интерес лица, в отношении которого проводится судебно-психиатрическая экспертиза, в назначении ему принудительной меры медицинского характера?

Таким образом, интерес обвиняемого избежать уголовной ответственности, законность которого вызывала столько споров, с уголовно-процессуальной точки зрения является не чем иным, как процессуальным решением, альтернативным обвинительному приговору. Обвиняемый не может абстрактно избежать уголовной ответственности, по уголовному делу в

отношении него обязательно должно быть принято итоговое процессуальное решение. И главный процессуальный интерес обвиняемого выражается через его отношение к тому или иному итоговому решению по уголовному делу, исключающему его привлечение к уголовной ответственности. В этом смысле интерес обвиняемого в приостановлении производства по уголовному делу, несмотря на то что данное решение не является итоговым, также можно рассматривать как интерес избежать уголовной ответственности. Однако и данный интерес следует признать законным, если для приостановления производства имеются предусмотренные УПК РФ основания, например тяжелое заболевание обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

Как уже отмечалось ранее, в науке уголовно-процессуального права предлагается разделять процессуальный и материальный интерес. Так, В.Д. Адаменко полагает, что уголовно-процессуальные интересы производны от материально-правовых, способствуют осуществлению последних и направлены на реализацию права обвиняемого на защиту [45, с. 63]. По мнению А.А. Коомбаева, «материальные интересы в уголовном процессе достигаются через посредство процессуальных интересов. Поэтому последние называются интересами процедурного, правообеспечительного характера, а первые - детерминантами по отношению ко вторым» [46, с. 128].

На наш взгляд, деление интересов обвиняемого на процессуальные и материальные в рамках науки уголовно-процессуального права является безосновательным. По сути, понятие «материальный интерес обвиняемого» в уголовном судопроизводстве можно считать процессуальным оксюмороном, так как в процессуальной отрасли права отсутствуют нормы материального права, которые могут вызывать материальный интерес у субъектов. Такие нормы закреплены в материальных отраслях права - уголовном, гражданском праве и т.д. Поэтому словосочетание «материальный интерес» в уголовном судопроизводстве, по нашему мнению, имеет право на существование только как синоним термина «имущественный интерес», который существует у сторон при производстве по уголовному делу в рамках института гражданского иска. Иные имущественные отношения, возникающие в ходе уголовного судопроизводства, например отношения по поводу залога, избранного в качестве меры пресечения по уголовному делу, формируют процессуальный интерес обвиняемого, а именно интерес в надлежащем соблюдении обязательств, связанных с внесенным залогом, от чего зависит будущая судьба залога (ч. 9 ст. 106 УПК РФ). То есть объектом интереса обвиняемого в данном случае в рамках уголовного судопроизводства выступает не сумма залога как материальная ценность, а надлежащий порядок уголовного судопроизводства, соблюдение которого позволит вернуть сумму залога залогодателю (ч. 10 ст.

106 УПК РФ). Сумма же залога как имущество представляет собой объект интересов залогодателя в рамках гражданского права: в случае невозвращения залога залогодателю в порядке ч. 10 ст. 106 УПК РФ его нарушенный имущественный интерес подлежит защите на основании положений ГК РФ.

Таким образом, критерием деления правового интереса на материальный и процессуальный является объект интереса, а именно ценности, охраняемые, защищаемые или обеспечиваемые нормами соответствующих отраслей материального и процессуального права. Как отмечает в этой связи И.Г. Смирнова, «систему правовых ценностей образуют фундаментальные права и свободы личности», закрепленные «не только на государственном уровне, но и прежде всего на уровне международно-правового регулирования» [47, с. 147].

Процессуальные интересы обвиняемого образуют систему, в которой базовым процессуальным интересом выступает целеполагающее отношение обвиняемого к итоговому процессуальному решению по уголовному делу. И такое отношение далеко не всегда ограничивается выбором между обвинительным и оправдательным приговором. С учетом личных представлений, собранной доказательственной базы, рекомендаций защитника и других факторов, влияющих на процесс осмысления обвиняемым процессуальной ситуации по делу, его базовый процессуальный интерес может заключаться:

– на стадии возбуждения уголовного дела (до получения лицом процессуального статуса обвиняемого, в целях прогностической защиты от возможного уголовного преследования) - в решении об отказе в возбуждении уголовного дела;

– на стадии предварительного расследования - в полном или частичном прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по тем или иным основаниям;

– на стадии судебного разбирательства - в решении о применении к лицу принудительной меры медицинского характера вместо применения уголовной ответственности и назначения наказания.

Нами перечислены не все возможные варианты базового процессуального интереса обвиняемого. Приведенные примеры позволяют продемонстрировать, что базовый процессуальный интерес обвиняемого может изменяться на различных стадиях уголовного судопроизводства или даже в рамках одной стадии в зависимости от изменения процессуальной ситуации по делу и ранее указанных факторов, влияющих на целеполагание обвиняемого.

В этой связи заслуживает внимания существующий в США особый порядок судебного разбирательства, позволяющий подсудимому одновременно отстаивать два противоположных интереса по уголовному делу. Данная

разновидность сделки о признании вины называется alfordplea - по имени обвиняемого Г. Альфорда, которому в 1970 г. было предъявлено обвинение в убийстве первой степени. На стадии предварительного расследования он признался в совершении менее тяжкого преступления - в убийстве второй степени, однако продолжал утверждать о своей невиновности. Верховный суд США, рассматривая дело «Северная Каролина против Альфорда», определил, что подсудимый может сознательно и добровольно согласиться со своей виной, в то же время настаивая на своей невиновности [48, p. 281]. На сегодняшний день большинство штатов легализовало такие соглашения, их иногда называют «сделками в наилучших интересах» [49, с. 283-284].

В целом в США, где подавляющее большинство уголовных дел рассматривается в порядке сделки о признании вины (в 2013 г. эта доля составила 97 % уголовных дел [50, p. 16]), особо остро стоит проблема ложного признания обвиняемым своей вины. Как отмечается в американской литературе, в тех случаях, когда у задержанного подозреваемого нет средств для внесения залога и он остается под стражей, защитник, как правило, крайне мало общается со своим клиентом, а обвинитель на встрече с защитником, в случае несогласия его клиента заключить сделку о признании вины, высказывает намерение предъявить самое тяжкое обвинение, возможное в данных обстоятельствах. Американские ученые по этому поводу отмечают: «Позиция Верховного суда о том, что сделка о признании вины - справедливая и добровольная договоренность между двумя относительно равными сторонами, является полным мифом, она гораздо больше похожа на «сделку о присоединении», в которой одна сторона может эффективно воздействовать на желания другой стороны» [50, p. 17]. По данным негосударственных организаций, таких как «Проект «Невиновность» и «Национальный реестр реабилитированных», около 10 % всех осужденных в США давали ложные показания и соглашались на сделку о признании вины, чтобы избежать угрозы назначения смертной казни или пожизненного лишения свободы [50, p. 18]. По результатам другого исследования, проведенного в США среди осужденных, имеющих психические отклонения, 36,5 % из них, будучи обвиняемыми, давали ложные признательные показания, на основе которых соглашались на сделку о признании вины [51, p. 83].

В Великобритании и Австралии ситуация складывается по-другому: защитники в этих странах в большинстве случаев рекомендуют своим клиентам не соглашаться на сделку о признании вины, а ходатайствовать о проведении судебного разбирательства в общем порядке. Это объясняется тем, что оплата труда адвоката является почасовой (например, в австралийском городе Мэриленд для адвокатов, защищающих малоимущих, это 90 дол. в час), и при

более длительном общем порядке судебного разбирательства адвокат имеет возможность заработать больший гонорар, чем при заключении сделки о признании вины. Однако законом ограничен предельный размер гонорара (в Мэриленде - 5 200 дол.), поэтому практика такова, что после достижения данной суммы адвокаты начинают рекомендовать клиентам заключить сделку о признании вины, чтобы не работать дальше бесплатно. Такие случаи называются cracked trial («сломанный процесс»). Статистика свидетельствует о том, что позднее согласие подсудимого на сделку о признании вины в рамках осуществляемого общего порядка судебного разбирательства, ставшее причиной cracked trial, в 2005 г. имело место по 81 % уголовных дел, рассмотренных Судом короны в Великобритании, а также по 44 % уголовных дел, рассмотренных Окружным судом штата Новый Южный Уэльс в Австралии [52, p. 246].

Систему процессуальных интересов обвиняемого наряду с базовым интересом образуют процессуальные субинтересы, которые обеспечивают реализацию базового интереса, но не всегда с ним напрямую связаны. Процессуальные субинтересы выражают целеполагающее отношение обвиняемого к осуществлению отдельных процессуальных действий, а также принятию отдельных процессуальных решений в ходе производства по уголовному делу. Данное отношение обвиняемого может формироваться как к тем процессуальным действиям, участником которых он является (например, производство очной ставки), так и к тем, участие в которых он не принимает (например, производство судебной экспертизы). В любом случае обвиняемому должна быть обеспечена возможность обеспечить свой процессуальный интерес путем заявления ходатайств и обжалования соответствующих процессуальных действий и процессуальных решений.

Системный анализ УПК РФ позволяет говорить о наличии в нем определенного механизма обеспечения процессуальных интересов участников уголовного судопроизводства, в частности обвиняемого. Однако данный механизм имеет фрагментарный характер, он представлен в виде отдельных процессуальных гарантий. К таким гарантиям можно отнести:

– установленный срок 5 суток для возможности приглашения защитника по выбору обвиняемого (ч. 3 ст. 50 УПК РФ);

– применение меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части только с согласия обвиняемого (ч. 2 ст. 104 УПК РФ);

– ограничение общей продолжительности времени допроса 8 часами в сутки (ч. 3 ст. 187 УПК РФ);

– возможность занять любое место среди опознаваемых лиц в ходе предъявления для опознания (ч. 4 ст. 193 УПК РФ);

– необходимость ознакомления обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы (ч. 3 ст. 195 УПК РФ) и др.

Однако не все процессуальные интересы обвиняемого обеспечены на уровне гарантий в УПК РФ. Более того, это и невозможно, так как процессуальные интересы, как уже отмечалось, могут касаться абсолютно любого процессуального действия или решения, и если для каждого из них в тексте уголовно-процессуального закона предусматривать гарантии для отдельных участников уголовного судопроизводства, то объем кодекса увеличится в несколько раз.

В свою очередь, полагаем, что процессуальные интересы обвиняемого должны быть не абстрактной, теоретической категорией, а полноценным элементом его процессуального статуса. В этих целях необходимо закрепить в УПК РФ дополнительные гарантии механизма защиты процессуальных интересов обвиняемого. Такие гарантии должны позволять своевременно определять и отражать процессуальные интересы обвиняемого в материалах уголовного дела. В настоящее время процессуальные интересы обвиняемого так или иначе проявляются в ходатайствах и жалобах, заявляемых обвиняемым в ходе уголовного судопроизводства. Считаем, что этого недостаточно. В рамках допроса обвиняемого ему, кроме вопросов, относящихся к существу предъявленного обвинения, должны задаваться вопросы, направленные на определение его процессуальных интересов по уголовному делу: как базового процессуального интереса (например, отношение к возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон), так и процессуальных субинтересов (например, о выборе для обвиняемого меры пресечения). На практике чаще всего это происходит в непроцессуальной форме, в виде личной беседы. До тех пор пока интересы обвиняемого не обретут самостоятельную процессуальную форму в материалах уголовного дела, эффективность их защиты в уголовном судопроизводстве будет вызывать сомнения.

Библиография

1. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. - 4-е изд. - М. : Рус. яз., 1996. - 846 с.

2. Барон Ю. Система римского гражданского права: в 6 кн. / Ю. Барон. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. - Кн. 4: Обязательственное право. - 1102 с.

3. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве / С.В. Михайлов. - М.: Статут, 2002. - 205 с.

4. Смирнова И.Г. Интерес - понятие уголовно-процессуальное / И.Г. Смирнова // Государство и право. - 2008. - № 8. - С. 14-18.

5. Дилбандян С.А. Законный или любой интерес подлежит защите в уголовном судопроизводстве: сравнительно-правовое исследование уголовного процесса России и Армении / С.А. Дилбандян // Российский судья. - 2010. - № 11. - С. 31-34.

6. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. - М.: Изд-во Башмаковых, 1912. - 805 с.

7. Матузов Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. - 294 с.

8. Малько А.В. Субъективное право и законный интерес / А.В. Малько // Известия вузов. Правоведение. - 1998. - № 4.- С. 58-70.

9. Малько А.В. Законный интерес и субъективное право / А.В. Малько // Вопросы теории охраняемых законом интересов. - Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1990. - 35 с.

10. Элькинд П.С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе / П.С. Элькинд // Вопросы защиты по уголовным делам: сб. ст. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. - С. 7-44.

11. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В.С. Шадрин. - М.: Юрлитинформ, 2000. - 232 с.

12. Насонова И.А. Основные характеристики субъекта уголовно-процессуальной защиты / И.А. Насонова // Вестник Воронежского института МВД России. - 2014. - № 3. - С. 106-111.

13. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / под ред. Л.Д. Кокорева. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. - 159 с.

14. Сероштан В.В. Законные интересы лиц, привлекаемых к уголовной ответственности / В.В. Сероштан // Российская юстиция. - 2008. - № 8.- С. 55-56.

15. Каминская В.И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве / В.И. Каминская // Советское государство и право. - 1968. - № 10. - С. 28-35.

16. Каминская В.И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе / В.И. Каминская. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 182 с.

17. Мартынчик Е.Г. Субъективные права обвиняемого и их процессуальные гарантии / Е.Г. Мартынчик // Советское государство и право. - 1976. - № 7. - С. 87-93.

18. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З.Ф. Коврига. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. - 191 с.

19. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений / Ф.Н. Багаутдинов. - М.: Юрлитинформ, 2004. - 544 с.

20. Гладышева О.В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / О.В. Гладышева. - М.: Юрлитинформ, 2012. - 192 с.

21. Строгович М.С. О правах личности в советском уголовном судопроизводстве / М.С. Строгович // Советское государство и право. - 1976. - № 10. - С. 73-81.

22. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе: Предмет, цель, содержание / Э.Ф. Куцова. - М. : Юрид. лит., 1973. - 200 с.

23. Кокорев Л.Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Л.Д. Кокорев // Известия вузов. Правоведение. - 1977. - № 4. - С. 76-83.

24. Савельев К.А. Законные интересы обвиняемого в системе состязательного судопроизводства / К.А. Савельев // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. - Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2008. - Вып. 3. - С. 87-94.

25. Адаменко В.Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого / В.Д. Адаменко. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. - 158 с.

26. Апарин С.М. Привилегия от самоизобличения : лекция / С.М. Апарин, В.Л. Будников. - Волгоград: Изд-во Волгогр. юрид. ин-та МВД России, 2000. - 24 с.

27. Алексеев Н.С. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве / Н.С. Алексеев, В.З. Лукашевич. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. - 192 с.

28. Малько А.В. Законные интересы как правовая категория / А.В. Малько, В.В. Субочев. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. - 359 с.

29. Солтанович А.В. Право подозреваемого на защиту в уголовном процессе Республики Беларусь: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.В. Солтанович. - Минск, 1992. - 20 с.

30. Баев М.О. Тактика профессиональной защиты от обвинения в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.О. Баев. - Воронеж, 1984. - 194 с.

31. Цыпкин А.Л. Очерки советского уголовного судопроизводства / А.Л. Цыпкин. - Саратов: Изд-во Сарат. ун- та, 1975. - 119 с.

32. Адаменко В.Д. Охрана свобод, прав и интересов обвиняемого / В.Д. Адаменко. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. - 294 с.

33. Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса / С.Д. Шестакова. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. - 220 с.

34. Карпов О.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве / О.В. Карпов, И.В. Маслов // Уголовный процесс. - 2009. - № 9. - С. 3-7.

35. Агаев З.Р. Правовое регулирование досудебного соглашения о сотрудничестве в России / З.Р. Агаев // Адвокат. - 2010. - № 9. - С. 12-17.

36. Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе / И.Д. Перлов. - М.: Госюриздат, 1955. - 248 с.

37. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р.Д. Рахунов. - М.: Госюриздат, 1981. - 277 с.

38. Дикарев И.С. Законные интересы обвиняемого в уголовном процессе / И.С. Дикарев // Государство и право. - 2010. - № 8. - С. 55-62.

39. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры / Е.В. Васьковский. - СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1893. - 621 с.

40. Бойков А.Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам / А.Д. Бойков. - М. : Юрид. лит., 1978. - 173 с

41. Чепрасов М.Г. Уголовно-процессуальная модель реализации законных интересов обвиняемого: понятие, содержание / М.Г. Чепрасов // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. - 2011.- № 31-1. - С. 378-380.

42. Галкин В.М. Принцип состязательности в советском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.М. Галкин. - М., 1951. - 302 с.

43. Sellars W. Science, perception and reality / W. Sellars. - L.; N.Y. : Routledge & Kegan Paul, 1963. - 366 p.

44. Попов А.П. Современный отечественный уголовный процесс: целеполагание, система целей, задач и функций, средства / А.П. Попов. - М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. - 529 с.

45. Адаменко В.Д. Субъекты защиты обвиняемого / В.Д. Адаменко. - Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. - 208 с.

46. Коомбаев А.А. Положение личности в уголовном судопроизводстве (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Коомбаев. - М., 2014. - 573 с.

47. Смирнова И.Г. Ценность как основная категория аксиологии и ее значение в праве / И.Г. Смирнова // Известия Иркутской государственной экономической академии. - 2010. - № 5 (73). - С. 144-148.

48. Schneider S. When innocent defendants falsely confess: analyzing the ramifications of entering Alford pleas in the context of the burgeoning innocence movement / S. Schneider // Journal of Criminal Law and Criminology. - 2013. - Vol. 103, № 1. - P. 279-309.

49. Иванов А.А. Правовое регулирование института сделок о признании вины в США / А.А. Иванов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2012. - № 2-1. - С. 282-286.

50. Rakoff J.S. Why innocent people plead guilty / J.S. Rakoff, H. Daumier, A.C. Case // The New York Review of Books. - 2014. - Vol. 61, № 18. - P. 16-18.

51. Redlich A.D. Self-reported false confessions and false guilty pleas among offenders with mental illness / A.D. Redlich, A. Summers, S. Hoover // Law and Human Behavior. - 2010. - Vol. 34, № 1. - P. 79-90.

52. Tague P.W. Guilty Pleas or Trials: Which Does the Barrister Prefer / P.W. Tague // Melbourne University Law Review. - 2008. - Vol. 32. - P. 242-274.